

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 228–234. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 228–234. ISSN 1998-0817

Научная статья

УДК 342.951

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-228-234>

О ПРАВОВОЙ ПРИТВОРНОСТИ В САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЕ НА ФОНЕ ПАНДЕМИИ COVID-19

Бакулина Ирина Петровна, кандидат юридических наук, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, i.p.bakulina@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0971-0837>

Кириллов Дмитрий Александрович, кандидат юридических наук, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, kdakda@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1550-1962>

Аннотация. Санитарно-эпидемиологические процессы на фоне пандемии COVID-19 подтвердили распространенность в России правовой притворности. Правовая притворность долгое время официально упоминалась только в Гражданском кодексе РФ и оценивалась государством и обществом довольно нейтрально. Оценка особо не изменилась даже с недавним введением административной ответственности за притворный бухгалтерский учет, хотя номинально отраслевая оценка правовой притворности стала отрицательной. В статье отмечается, что на фоне антиковидных санитарно-эпидемиологических мер нейтральное отношение общества к правовой притворности поменялось на отрицательное и совпало с ее административно-правовой оценкой. Это делает актуальным устранение негативных последствий правовой притворности в санитарно-эпидемиологической сфере, определение правовых средств блокирования конфликтогенных факторов, предупреждение новых проявлений правовой притворности. Выявлено, что режим повышенной готовности во многом притворен, прикрывает «гибридный» режим сомнительной правовой природы с неразумным объемом правоограничений и недостаточностью государственных гарантий. Толкование Президиума Верховного суда ухудшает по сравнению с законом участь привлекаемых к ответственности за нарушение «антипандемийных» правил лиц. Всё это порождает социальную напряженность и недоверие к антипандемийным мерам государства как к притворным. В статье содержатся рекомендации по нейтрализации последствий притворности. Кроме того, усиление социальной напряженности на фоне пандемии COVID-19 дополнительно продемонстрировало существование притворных правовых явлений общесоциального свойства, в частности, в сферах федерализма, законности, а также солидарности государства и общества.

Ключевые слова: притворность, притворное правовое явление, санитарно-эпидемиологическое благополучие, режим повышенной готовности, гибридный режим, антиковидное законодательство, пандемия COVID-19

Благодарности. Работа выполнена при совместной поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Тюменской области, грант № 20-411-720006

Для цитирования: Бакулина И.П., Кириллов Д.А. О правовой притворности в санитарно-эпидемиологической сфере на фоне пандемии COVID-19 // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 228–234. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-228-234>

Research Article

ON THE LEGAL FEIGNFULLNESS IN THE SANITARY AND EPIDEMIOLOGICAL SPHERE AGAINST THE BACKGROUND OF THE COVID-19 PANDEMIC

Irina P. Bakulina, Candidate of Jural Sciences, Tyumen State University, Tyumen, Russia, i.p.bakulina@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0971-0837>

Dmitry A. Kirillov, Candidate of Jural Sciences, Tyumen State University, Tyumen, Russia, kdakda@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1550-1962>

Abstract. Sanitary and epidemiological processes against the background of the COVID-19 pandemic have confirmed the prevalence of legal feignfulness in Russia. For a long time, legal feignfulness has been officially mentioned only in the Civil Code of the Russian Federation and has been assessed by the state and society quite neutrally. The assessment has not changed much even with the recent introduction of administrative responsibility for feigned accounting, although the nominally in this branch of law assessment of legal feignfulness has become negative. Against the background of anti-COVID sanitary and epidemiological measures, the neutral attitude of society to legal feignfulness changed to a negative one and coincided with administrative and legal negative assessment of legal feignfulness. This makes it topical to eliminate the negative

consequences of legal feignfulness in the sanitary and epidemiological sphere; to determine the legal means of blocking conflict-causing factors; to prevent new manifestations of legal feignfulness. It is revealed that the high alert mode is largely feigned, covers up a “hybrid” regime of a dubious legal nature with an unreasonable amount of legal restrictions and insufficient state guarantees. The interpretation of the Presidium of the Supreme Court worsens, in comparison with the law, the legal fate of persons brought to justice for violating the “anti-COVID” rules. All this generates social tension and distrust of the anti-pandemic measures of the state as feigned ones. The article contains recommendations for neutralising the consequences of legal feignfulness. In addition, the increase in social tension against the background of the COVID-19 pandemic further demonstrated the existence of feigned legal phenomena of a general social nature, in particular, in the areas of federalism, legality, as well as solidarity of the state and society.

Keywords: feignfulness, feigned legal phenomenon, sanitary & epidemiological well-being, high alert mode, hybrid mode, anti-COVID legislation, COVID-19 pandemic.

Acknowledgments. This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research and Tyumen region, project 20-411-720006

For citation: Bakulina I.P., Kirillov D.A. On the legal feignfulness in the sanitary and epidemiological sphere against the background of the COVID-19 pandemic. *Vestnik of Kostroma State University*, 2021, vol. 27, № 3, pp. 228–234 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-228-234>

Одной из ординарных характеристик правовой действительности России является широкая распространенность притворных правовых явлений. В целом подобное положение вещей не представляется чем-то из ряда вон выходящим даже с позиций юридической науки [Уткина: 327–331] и практики [Бекетов, Борков: 33], поскольку, как представляется, отражает юридические реалии, предопределяемые уровнем развития общества [Зверева, Кириллов: 103], и в этом смысле особой угрозы правоохраняемым ценностям не несет.

Между тем значительным числом проявлений правовой притворности обернулись и предпринятые в России усилия по противодействию пандемии COVID-19. Учитывая высокую цену ошибок в подобных вопросах в сочетании с нередко непредсказуемыми последствиями правовой притворности, традиционно легковесное к ней отношение в деле противодействия пандемии представляется по меньшей мере рискованным.

К числу элементов социально-правового пространства, требующих в аспекте противодействия пандемии особого внимания, относится и санитарно-эпидемиологическая сфера. Главная роль в ее правовом регулировании принадлежит административному праву. Поэтому с позиций, прежде всего, науки административного права требуют исследования вопросы правовой притворности в санитарно-эпидемиологической сфере.

Следует определиться с административно-правовым содержанием понятия «притворность». Здесь прежде всего отметим, что термин «притворность», применяемый для обозначения основного свойства явлений с рассогласованными номинальной и реальной сторонами, появился в поле зрения науки административного права с включением в 2013 году в Федеральный закон «О бухгалтерском учете» (далее – «ФЗ о бухучете») дефиниции понятия «притворный объект бухгалтерского учета». Так, в соответствии со статьей 10 «ФЗ о бухуче-

те», «...под притворным... понимается объект, отраженный в бухгалтерском учете вместо другого объекта с целью прикрыть его (в том числе притворные сделки)»¹.

В ряду же актуальных для науки административного права категорий правовая притворность, если исходить из традиционной научной логики, должна была закрепиться еще в марте 2016 года, когда термин «притворный объект бухгалтерского учета» был включен в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)². Однако подобного закрепления не произошло. Несмотря на то, что с даты включения в КоАП РФ указанного термина прошло несколько лет, его анализ продолжает ограничиваться в основном подходами, основывающимися на положениях «ФЗ о бухучете» и отраженными в экономико-бухгалтерской литературе. О юридической же притворности продолжают говорить в основном цивилисты.

Попытка объяснить невнимание ученых-административистов как к термину «притворный объект бухгалтерского учета», так и к понятию «притворность» позволила выявить следующее. Исходя из досье к законопроекту от 29.09.2015 № 890123-6 о внесении изменений в КоАП РФ, понятие «притворный объект бухгалтерского учета» содержится в «ФЗ о бухучете». Из досье же к законопроекту от 18.12.2012 № 192810-6 о внесении изменений в «ФЗ о бухучете»³ следует, что понятие «притворный объект бухгалтерского учета» содержательно соответствует понятию «притворная сделка» из статьи 170 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – «ГК РФ»)⁴. Результаты проведенного нами в 2021 году опроса двадцати пяти ученых-административистов из шести субъектов РФ⁵ показали, что никто из них не подверг критическому сомнению тезис о том, что понятия «притворный объект бухгалтерского учета» и «притворная сделка» якобы содержательно соответствуют друг другу. Меж-

ду тем ложность тезиса «о соответствии» стала очевидной тридцати трем из тридцати трех студентов при целенаправленном учебном ознакомлении ими с конструкцией статьи 10 «ФЗ о бухучете». В ней притворная сделка обозначена как один из видов притворного объекта.

Таким образом, отождествлять притворный объект бухгалтерского учета с притворной сделкой некорректно. Как, кстати, и притворность в административном праве с притворностью в гражданском праве. И вот почему.

В административном праве нет «собственных» подходов к раскрытию содержания понятия правовой притворности, в силу чего достаточно сложно отказаться от логической опоры на подходы, устоявшиеся в гражданском праве. Между тем следует обратить внимание на одно немаловажное обстоятельство. Смысл его заключается в том, что сопоставление положений о притворности в гражданском праве и в административном праве позволяет обнаружить совершенно различающиеся аксиологические подходы государства к оценке притворности в каждой из названных отраслей права.

В гражданском праве как статья 170 ГК РФ, так и предшествовавшая ей статья 53 ГК РСФСР⁶ не содержат явного указания ни на негативную оценку притворности государством, ни на неблагоприятные для сторон последствия притворной сделки. Иными словами, действия, выразившиеся в совершении притворной сделки, а следовательно, и притворность сами по себе государством не порицаются. То есть притворность в гражданском праве аксиологически нейтральна.

Из административного же права с очевидностью явствует аксиологически негативная государственная оценка притворности и любых ее проявлений. Такая оценка находит отражение как в виде адресованного законодательством представителям непубличной части социума прямого запрета оценивать притворные «объекты учета» в качестве реальных, так и в основном на аналогии закона запрете всему обществу на любую правовую притворность.

Между тем из сопоставления текстов пункта 2 статьи 10 «ФЗ о бухучете» и пункта 2 статьи 170 ГК РФ явствует, что базовое свойство притворности имеет значение для обеих отраслей. Кроме того, на административное право распространяется и базирующееся на логической конструкции притворной сделки универсальное терминологически-смысловое правило о притворности. Согласно последнему, бесспорное номинальное правовое явление, прикрывающее реальное правовое явление, именуется притворным, не имеет правового значения и с точки зрения правовых последствий актуализирует прикрываемое (реальное) правовое явление [Зверева, Кириллов: 102].

Также заметим, что исследования правовой притворности в зарубежных научных источниках ограничиваются лишь сферой частного права [Conaglen: 122–125] и связаны в основном с притворными сделками, совершаемыми в целях недобросовестной налоговой экономии или сокрытия реальной субъектности правообладателей [Perriello: 944–951].

Упомянутая выше негативная административно-правовая коннотация притворности распространяется и на санитарно-эпидемиологическую сферу. В силу этого, как представляется, проявления правовой притворности в данной сфере следует оценивать как нежелательные и преодолевать. В связи с необходимостью противодействия пандемии актуальность оценки правовой притворности в санитарно-эпидемиологической сфере, на наш взгляд, возрастает.

Приступая к правовой характеристике текущей санитарно-эпидемиологической обстановки, необходимо отметить следующее. В силу отсутствия верифицированного научного знания о пандемии COVID-19, а также ряда других факторов, с общеправовой точки зрения пандемия в первой половине 2020 года имела признаки форс-мажорных обстоятельств. Мировым эпидемиологическим сообществом пандемия воспринята как обстоятельство с повышенным уровнем чрезвычайности, что представляется совершенно обоснованным. Заболевание требовало особых подходов к блокированию его распространения, неординарных политико-государственных решений по борьбе с пандемией, консолидации усилий различных институтов, что, в свою очередь, требовало создания обстановки реальной социально-государственной солидарности.

Оценка новизны и негативной непредсказуемости ситуации, восприятие ее как содержащей риски не только национального масштаба, но и для всего мирового сообщества привели к тому, что в ряде государств были приняты особые чрезвычайные законы и предпринят комплекс разъяснительных и иных сопровождающих мер. К примеру, во Франции государство явным образом продемонстрировало населению, что воспринимает пандемию как особую чрезвычайную ситуацию, требующую всеобщей мобилизации усилий в сочетании с широким кругом обязательных для всех ограничений. При этом в информационном пространстве в отношении ограничительных мер особым образом артикулировались их крайняя необходимость, разумная достаточность, всеобщая обязательность и временная ограниченность сроков действия периодом пандемии.

Управленческие решения, принятые в 2020 году в отношении пандемии государственными структурами России, были принципиально иными. Учитывая реальную обстановку и набор правовых средств, наиболее логичным в условиях социальной неопределенности с высоким уровнем эпидемиологических

рисков представлялся бы режим чрезвычайного положения. Однако введен данный режим не был. Основным же специальным административно-правовым режимом для минимизации негативных последствий распространения пандемии в России и разрешения связанных с этим социальных, экономических и правовых ситуаций официально (номинально) стал режим повышенной готовности.

Между тем оценка реального административно-правового режима, который установился на территории Российской Федерации в результате введения режима повышенной готовности, указывает на признаки правовой притворности. Так, после введения режима повышенной готовности почти во всех регионах страны, хоть и с разной степенью интенсивности, имели место проявления именно чрезвычайности протекания социальных процессов, то есть предпосылок для введения именно режима чрезвычайного положения. Несмотря на то, что такой режим введен не был, фактические обстоятельства потребовали от региональных публичных органов решительных действий, направленных главным образом на снижение скорости распространения пандемии. При этом почти повсеместно были введены «высокоинтенсивные» ограничения прав и свобод людей и организаций. Необходимым правовым условием введения части из таких ограничений является объявление режима чрезвычайного положения. Тем самым с точки зрения текущего законодательства фактически было установлено нечто вроде смешанного правового режима, а именно, введены ограничения прав и свобод, характерные для режима чрезвычайного положения, но без соблюдения других его условий [Шуруханова, Комовкина: 228–231]. В частности, здесь отсутствуют меры государственной поддержки и государственные гарантии, которые предусмотрены статьей 29 ФКЗ «О чрезвычайном положении»⁷ и являются обязательными при введении режима чрезвычайного положения. Кроме того, ряд введенных ограничений до сих пор не имеют «законодательного прообраза».

Такой, говоря условно, «гибридный» режим текущим законодательством не предусмотрен. Следовательно, формально он незаконен. Однако, являясь реально действующим, в том числе ввиду опоры на ряд юридических составов правоположений, «создаваемых» судами [Уткина: 329–330], «гибридный» режим фактически правомерен.

В порядке дополнительной характеристики «гибридного» режима необходимо заметить следующее. С точки зрения ряда исследователей, публичными органами в рамках такого режима нередко принимались не вполне адекватные управленческие решения. Отмечается незаконность ограничений органами исполнительной власти субъектов РФ прав и свобод в период пандемии при отсутствии перечня подобных мер

принуждения в федеральном законодательстве [Попова: 17–18]. Принимавшиеся на региональном уровне в рамках «гибридного» режима ограничительные меры нередко входили в противоречие с конституционными гарантиями прав и свобод граждан. В результате ситуационного использования текущего законодательства созданы предпосылки к возникновению рисков не только злоупотребления чрезвычайными полномочиями, но и сохранения новых ограничительных мер после завершения пандемии. Высветилась проблема недостаточности федерального контроля за оправданностью введения государственных ограничений прав граждан на конкретных территориях [Варламова: 21–28].

Справедливую критику многих исследователей вызвало практически повсеместное внедрение такой меры, как самоизоляция здорового населения. Обосновывая неконституционность подобной меры, авторы ряда работ указывают на то, что мера, не будучи закрепленной на федеральном уровне, словно по горизонтальному согласованию между собой, применялась и применяется органами исполнительной власти большинства субъектов РФ. При этом, согласно Конституции РФ, региональным законодателям не может быть делегировано нормотворчество, относящееся исключительно к ведению федерального законодателя. Справедливая критика авторов ряда работ также касается неопределенности круга запретов и ограничений, поскольку конкретный перечень запретов и ограничений, которые могут применяться в случае чрезвычайных ситуаций, вызванных инфекционными заболеваниями, федеральными законами не установлен [Агальцова, Иманова: 60–70].

На фоне осложненной санитарно-эпидемиологической обстановки из положений, приведенных в предыдущем абзаце, можно вывести сразу несколько проявлений правовой притворности. Так, например, с новой силой заявили о себе:

– кризис отечественного федерализма [Родионова: 103–107]. На фоне пандемии очевидны не согласующиеся с Конституцией РФ реалии – в основном налицо, на наш взгляд, унитарное государство с централизованным управлением и несколькими регионами с признаками субъекта федерации [Тимченко: 984];

– кризис законности. Правосознание большинства россиян, включая руководителей и должностных лиц всех уровней, тяготеет к приоритету не закона (в смысле верховенства, единственного источника правоограничений, обязательности для всех), а политической воли носителя властных полномочий [Авдеев: 57] и т. п.

Правовая притворность, отдельные проявления которой в условиях пандемии охарактеризованы выше, повлекла, на наш взгляд, две группы последствий. С одной стороны, возможно, отказ от прямо-

го (непритворного) введения режима чрезвычайного положения позволил государству не допустить паники среди населения. С другой же стороны, государство, по нашему мнению, столкнулось с неожиданно негативным восприятием населением именно притворности, выразившейся в возложении на общество обязанностей, не свойственных официально объявленному режиму повышенной готовности, без предоставления каких-либо закрепленных гарантий компенсации или возмещения возможных потерь, которые сопряжены с исполнением возложенных обязанностей. ореол негатива по отношению к административной «режимной» притворности позже был перенесен значительной частью населения и на многие связанные с пандемией меры, предпринимаемые государством (вакцинирование, масочный режим и т. п.).

Также следует заметить, что на фоне пандемии, на наш взгляд, проявилось и требующее дальнейшего изучения избирательное отношение общества к притворным правовым проявлениям со стороны государства. Это отношение выглядит явно нейтральным в ситуациях, неактуальных для наиболее значимых личных ценностей, и негативным в ситуациях, создающих угрозы наиболее значимым личным ценностям.

Для регулирования новых правил поведения в условиях режима повышенной готовности были внесены изменения, в частности, в КоАП РФ и в Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ). Некоторые из этих изменений представляют не только общенаучный интерес, касающийся применения новелл и действия норм, но и узконаучный интерес с позиций правовой притворности.

Так, статья 6.3 КоАП РФ дополнена в апреле 2020 года пунктом 3 с материальным составом, где в качестве объекта посягательства появилась даже жизнь человека, чего ранее в КоАП РФ не бывало. Пункт 2 статьи 236 УК РФ также претерпел изменения. В результате сегодня налицо отсутствие бесспорных критериев для разграничения этих разноотраслевых юридических составов.

Заметим, что с точки зрения нашего понимания принципа отраслевой относимости объектных оснований дифференциации публичной ответственности, мы не считаем правильным перенос из уголовного права в административное право не только такого объекта правовой охраны, как жизнь человека, но и отдельных параметров здоровья человека. Поэтому текст пункта 3 статьи 6.3 КоАП РФ, по нашему мнению, должен быть изменен, по крайней мере в части ответственности граждан и должностных лиц.

Между тем уже более года текст пункта 3 статьи 6.3 КоАП РФ изложен в «первозданном» виде и содержит состав правонарушения, в котором в качестве альтернативного дополнительного объекта, в частности, ука-

зана жизнь человека. Здесь, на наш взгляд, не следует исключать того, что идея законодателя о привлечении людей к административной, а не уголовной ответственности в случае наступления смерти и причинения вреда здоровью связана с возможными врачебными ошибками по причинам недостатка знаний о новом заболевании, а следовательно, и опыта лечения, особо напряженного графика работы медперсонала, дефицита информации, наступления последствий особо стрессовых ситуаций и т. п. Данное обстоятельство, безусловно, представляет интерес в различных аспектах, однако мы ограничимся лишь правовой притворностью.

Если исходить из буквального значения текстов законоположений пункта 3 статьи 6.3 КоАП РФ и пункта 2 статьи 236 УК РФ, то, очевидно, при возникновении неустрашимых сомнений в выборе для правовой оценки ситуации одного из двух названных законоположений такой выбор, исходя из смысла статьи 3 УК РФ, должен быть сделан в пользу пункта 3 статьи 6.3 КоАП РФ. Здесь неустрашимость, что вполне логично, должна истолковываться в пользу лица, привлекаемого к публичной ответственности. К аналогичному выводу приводит и применение одного из правил о конкуренции норм, в частности, нормы, криминализирующей деяние, и нормы, согласно которой деяние не преступно.

Между тем совершенно иной подход демонстрирует Президиум Верховного Суда РФ (ВС РФ), указав в пункте 15 Обзора судебной практики от 30.04.2020, что предусмотренные пунктом 3 статьи 6.3 КоАП РФ «действия (бездействие)... повлекшие... смерть человека» «...в случае наступления последствий в виде смерти человека действия (бездействие) виновного следует квалифицировать по части 2 статьи 236 УК РФ»⁸. Тем самым Президиум, прямо игнорируя положение пункта 3 статьи 6.3. КоАП РФ, предлагает истолковывать материально-правовые нормы не в пользу привлекаемого к ответственности лица, искажать волю законодателя и т. п. Надеяться на то, что приведенная выше правовая позиция Президиума ВС РФ всё-таки сама по себе не отменяет действие пункта 3 статьи 6.3. КоАП РФ и, соответственно, «как бы» не исключает его применения на практике, навряд ли перспективно.

В контексте проблематики текущей статьи ВС РФ в анализируемом пункте обзора фактически дезавуирует законоположение пункта 3 статьи 6.3 КоАП РФ, квалифицируя его как притворное, и, существенно повышая уровень возлагаемой на нарушителя репрессии, формулирует правовоположение, которое подлежит применению вместо притворного законоположения. В принципе, для ВС РФ демонстрация правовой притворности законоположений с повышением в своих правовоположениях объема публичной репрессии в отношении привлекаемого к ответственности лица

«сверх законного» не является редкостью. Подобные факты воспринимаются социумом в целом достаточно нейтрально и в совокупности стали самостоятельным элементом системы источников права [Уткина: 327–328]. Между тем, как было указано выше, в санитарно-эпидемиологической сфере общее правило об обычно нейтральной социальной оценке правовой притворности перестает действовать. На фоне пандемии оценка нередко превращается в негативную, потому исключение подобных противоправных «вольностей» представлялось бы более конструктивным.

Определенные сложности имеются и в разграничении ряда иных введенных в законодательство в период пандемии составов административных правонарушений. Между тем явно выраженных проявлений притворности в ходе реализации соответствующих норм, на наш взгляд, не имеется.

Представляется целесообразным уточнение отдельных положений о регулировании отношений в санитарно-эпидемиологической сфере, в том числе в целях уменьшения поводов для проявления правовой притворности.

1. Общественные отношения в сфере охраны жизни и наиболее важных атрибутов здоровья человека вряд ли могут быть объектом административного правонарушения со стороны физического лица. Наличие такого объекта правовой охраны, очевидно, отражает признак общественной опасности, характерный для преступления. В силу этого ответственность для физических и должностных лиц за причинение вреда жизни, а также тяжкого и средней тяжести вреда здоровью должна быть, на наш взгляд, исключена из КоАП РФ, что, в свою очередь, в части такого объекта охраны, как «жизнь», согласуется с правовой позицией Президиума ВС РФ, изложенной в пункте 15 «Обзора»⁹.

Потому в пункте 3 статьи 6.3 КоАП РФ следует исключить из круга лиц, ответственных за совершение административного правонарушения, граждан и должностных лиц, ограничив круг правонарушителей только юридическими лицами. Кроме того, такое последствие, как причинение легкого вреда здоровью, из пункта 3 статьи 6.3 КоАП РФ логично перенести в пункт 2 указанной статьи, сделав его «альтернативно материальным».

2. До 2020 года составы административных правонарушений, посягающих на санитарно-эпидемиологическое благополучие населения, предусматривали ответственность за деяния, которые создавали лишь угрозы такому благополучию, то есть были формальными. Изменения, внесенные на фоне пандемии в статью 6.3 КоАП РФ, принципиально поменяли подход к конструированию составов правонарушений в данной сфере, сделав часть из них материальными. В связи с этим, а также учитывая последовательное

возвращение в 2012–2021 годах в уголовное право института административной преюдиции, представляется целесообразным при тождестве или схожести административно-правовых и уголовно-правовых составов в санитарно-эпидемиологической сфере шире применять возможности данного института. Это позволит существенно уменьшить число предпосылок проявлений правовой притворности, связанных с замещением законоположений правоположениями.

3. В целях совершенствования подходов к определению границ дифференциации публичной ответственности врачей, целесообразно разработать общую концепцию ответственности врача за профессиональные ошибки с четким разграничением составов административных правонарушений со смежными составами преступлений. Учитывая при этом потенциал института административной преюдиции, представляется необходимым как можно более широкое применение его возможностей именно в сфере врачебной ответственности. Помимо повышения уровня культуры в вопросах дифференциации ответственности, соответствующие меры, как и в общем для санитарно-эпидемиологической сферы случае, повлекут существенное сужение круга поводов к проявлениям правовой притворности.

Полагаем, что затронутые в настоящей статье вопросы могут оказаться полезными как для дальнейшего правового анализа санитарно-эпидемиологической сферы, так и для исследования вопросов притворности в административном праве в целом.

Примечания

¹ О бухгалтерском учете: Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 12.12.2011. № 50. Ст. 7344.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // Собрание законодательства Российской Федерации. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

³ О внесении изменений в статьи 4.5 и 15.11 КоАП РФ: Пояснительная записка к проекту ФЗ от 29.09.2015 № 890123-6.

⁴ О внесении изменений в Федеральный закон от 6 декабря 2011 года № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете»: Пояснительная записка к проекту ФЗ от 18.12.2012 № 192810-6.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

⁶ 21 из 25 опрошенных, или 84 %, указали, что научного интереса к цивилистике не имеют.

⁷ Гражданский кодекс РСФСР // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

⁸ О чрезвычайном положении: Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ // Со-

бране законодательства Российской Федерации. 04.06.2001. № 23. Ст. 2277.

⁹ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2: утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6 (июнь).

Список литературы

Авдеев Д.А. Форма правления в России (краткий конституционный очерк): монография. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2015. 244 с.

Агальцова М.В., Иманова Т.В. Самоизоляция: анализ законности и конституционности антивирусных мер // Закон. 2020. № 5. С. 60–70.

Бекетов О.И., Борков В.Н. Фальсификация доказательств по делу об административном правонарушении // Уголовное право. 2017. № 5. С. 31–38.

Зверева П.К., Кириллов Д.А. От концепта «притворная сделка» к концепту «притворное правовое явление» // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 2. С. 100–105.

Попова Н.Ф. Меры административного принуждения, применяемые для обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения // Российская юстиция. 2021. № 3. С. 16–19.

Родионова А.К. Институциональный концепт «федерализм» и его роль в решении проблем политической жизни государств // Вестник ЗабГУ. 2015. № 2. С. 103–109.

Тимченко Д.В. О некоторых особенностях российского федерализма с позиции неинституционального подхода // Молодой ученый. 2016. № 9. С. 983–986.

Уткина А.В. К вопросу о понятии «правоположение» в юридической науке // Вестник Нижегородской академии МВД России. Сер.: Юридическая наука и практика. 2011. № 3. С. 327–331.

Шуруханова Д.Н., Комовкина Л.С. Административно-правовое регулирование режима повышенной готовности // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4. С. 223–237.

Conaglen M. Sham and Trusts (2013). SHAM TRANSACTIONS, E. Simpson, M. Stewart, eds., pp. 122-140, Oxford University Press, 2013, Sydney Law School Research Paper No. 14/99. URL: <https://ssrn.com/abstract=2524195>.

Perriello L.E. 'Sham Trusts: A Comparative Study', (2017), 25, European Review of Private Law, Issue 5, pp. 941–965, URL: <https://kluwerlawonline.com/journalarticle/European+Review+of+Private+Law/25.5/ERPL2017059>

References

Avdeev D.A. *Forma pravlenija v Rossii (kratkij konstituci-onnyj ocherk)* [The form of government in Rus-

sia (a brief constitutional essay)]. Tyumen, Tyumen St. Univ. Publ., 2015, 244 p. (in Russ.)

Agal'tsova M.V., Imanova T.V. *Samoizoljatsiia: analiz zakonnosti i konstitutsionnosti antivirusnykh mer* [Self-isolation: analysis of the legality and constitutionality of anti-virus measures]. *Zakon* [Law], 2020, № 5, pp. 60–70.

Beketov O.I., Borkov V.N. *Fal'sifikatsiya dokazatel'stv po delu ob administrativnom pravonarushenii* [Falsification of evidence in the case of an administrative offense]. *Ugolovnoe parvo* [Criminal law], 2017, № 5, pp. 31–38. (In Russ.)

Zvereva P.K., Kirillov D.A. *Ot kontsepta «pritvornaia sdelka» k kontseptu «pritvornoe pravovoe iavlenie»* [From the Concept of “Fraudulent Transaction” to “Feigned Legal Phenomenon”]. *Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Surgut State University Bulletin], 2021, № 2, pp. 100–105. (In Russ.)

Popova N.F. *Mery administrativnogo prinuzhdeniia, primeniaemye dlia obespecheniia sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiiia naseleniia* [Administrative enforcement measures used to ensure the sanitary and epidemiological well-being of the population]. *Rossiiskaia iustitsiia* [Russian justice], 2021, № 3, pp. 16–19 (In Russ.)

Rodionova A.K. *Institucional'nyj koncept «federalizm» i ego rol' v reshenii problem politicheskoi zhizni gosudarstv* [The institutional concept of “federalism” and its role in solving the problems of the political life of state]. *Vestnik ZabGU* [ZabSU Bulletin], 2015, № 2, pp. 103–109 (In Russ.)

Timchenko D.V. *O nekotorykh osobennostyakh rossijskogo federalizma s pozicii neoinstitucional'nogo podhoda* [On some features of Russian federalism from the perspective of a neoinstitutional approach]. *Molodoj uchenyj* [Young scientist], 2016, № 9, pp. 983–986. (In Russ.)

Utkina A.V. *K voprosu o ponyatii «pravopolozhenie» v yuridicheskoi nauke* [On the question of the concept of “legal position” in legal science]. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2011, № 3, pp. 327–331. (In Russ.)

Shurukhanova D.N., Komovkina L.S. *Administrativno-pravovoe regulirovanie rezhima povyshennoi gotovnosti* [Administrative and legal regulation of the high-readiness mode]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the MIA of Russia], 2020, № 4, pp. 223–237. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.06.2021; одобрена после рецензирования 11.07.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 14.06.2021; approved after reviewing 11.07.2021; accepted for publication 18.08.2021.